

Глава 5. Из истории кафедры и отделения структурной/теоретической и прикладной лингвистики (ОСИПЛ/ОТИПЛ): 1960-2000¹

Успехи всякой национальной науки в определенной степени зависят того, как обеспечивается подготовка новых научных кадров. В области вузовского лингвистического образования в 1960 году произошло знаменательное событие: на филологическом факультете МГУ было создано специальное отделение, предназначенное для подготовки профессиональных лингвистов. Это была революция в филологическом образовании: до того времени лингвистика была не более чем специализацией в области филологии. Настоящая глава посвящена истории этого отделения, являющейся частичкой истории отечественной лингвистики. Многие выпускники отделения ныне успешно работают в самых различных областях языкознания, и в их успехах имеется доля участия того отделения, которое они кончили.

1. Создание отделения и кафедры

Отделение теоретической и прикладной лингвистики — сравнительно молодое на факультете. Первый набор на него был проведен в 1960 году. На него было зачислено 13 человек, из которых четверо были переведены со старших курсов других отделений².

Появление нового отделения на филологическом факультете МГУ нельзя считать лишь результатом удачного стечения обстоятельств. Весь предшествующий, примерно пятилетний, период развития советского языкознания проходил в условиях небывалого интеллектуального и эмоционального подъема, безусловно вызванного потеплением политического климата в СССР (названным с легкой руки И.Эренбурга "оттепелью"). Действительно, произошла обвальная смена идеологических оценок ранее шельмовавшихся и преследовавшихся новейших областей знания (таких как кибернетика, генетика и т.п.), пал, во всяком случае в области научной информации, железный занавес, была открыта доселе запретная "буржуазная" лингвистика, развивавшаяся последние 30 лет под девизом структурного метода и доказавшая свою жизнеспособность и продуктивность, а отнюдь не загнивание, и было обнаружено, что передовому отряду языкознания — по самооценке советских языковедов — нужно по крайней мере заново сориентироваться, где же на самом деле находится соответствующий ему передний край науки.

Специфика тогдашнего момента переоценки "лингвистических ценностей" состояла в том, что по независимым причинам он совпал с первыми попытками применения

---

¹ Глава была написана в качестве раздела Истории филологического факультета МГУ в 1993 году. В 2001 году она была переделана и дополнена.

² Я в это время перешел на 5 курс филологического факультета и получил разрешение посещать занятия по математике вольнослушателем (наличие курса математики на таком гуманитарном факультете, как филологический, в то время было очень экзотическим и радикально ломало представления о том, что входит в базовые знания профессионального лингвиста, каковым я хотел стать). По окончании факультета я был зачислен (старшим лаборантом) в лабораторию экспериментальной фонетики (см. о ней ниже) при только что сформированной кафедре структурной и прикладной лингвистики, и работаю на этой кафедре по настоящее время. Поэтому я являюсь очевидцем практически всей ее истории и в данном очерке опираюсь в первую очередь на свои собственные наблюдения и оценки. (Существенную помощь в написании очерка оказал также архив проф. В.А.Звегинцева, сохраненный и любезно предоставленный его дочерью, выпускницей ОСИПЛа Ольгой Владимировной Звегинцевой.) Разумеется, я не все помню документально точно, не исключены также некоторые диспропорции, связанные с моей субъективной оценкой важности тех или иных событий и фактов.

компьютеров для обработки языковой информации (в 1954 году в США была проведена сенсационная первая демонстрация машинного перевода), что открывало совершенно новые, многообещающие перспективы приложения лингвистических знаний и диктовало новые требования к содержанию этих знаний и к форме их представления. В этой ситуации накопленный западной лингвистикой опыт структурного моделирования языка приобретал не только теоретическую, но и прикладную значимость, так как именно структурная лингвистика достигла ощутимых успехов в формализации языка.

Все эти обстоятельства благоприятствовали привлечению внимания широкой лингвистической общественности к структурной и прикладной лингвистике. В воспоминаниях профессора В.А.Успенского³ хорошо передана атмосфера того времени и отражен размах нового лингвистического движения. В 1956 году на филологическом факультете МГУ открывается семинар по математической лингвистике (под руководством В.В.Иванова и В.А.Успенского), а в Институте языкознания — сектор прикладной лингвистики (под руководством А.А.Реформатского), в 1957 — Объединение по машинному переводу и Лаборатория машинного перевода при МГПИИЯ (под руководством В.Ю.Розенцвейга), в 1958 году проходит первая Всесоюзная конференция по машинному переводу (Москва), в 1959 — первое Всесоюзное совещание по математической лингвистике (Ленинград), в 1960 — Межвузовская конференция по вопросам прикладной лингвистики (Черновцы). Эти конференции собирают невиданное количество участников (до пятисот человек), подавляющее большинство которых — новички в новой области, но исполнены большого энтузиазма и желания ее развивать⁴.

Совершенно очевидно, что господствовавшая в то время система высшего образования не давала и не была готова давать соответствующую подготовку научных кадров в этой бурно развивающейся области, и необходима была ее структурная перестройка. Таковы объективные предпосылки возникновения ОСИПЛа.

Следует отметить также и субъективные факторы. Несмотря на актуальность создания соответствующего учебного отделения в ведущем вузе Москвы, я, зная тогдашний состав профессуры филологического факультета и его руководства, до сих пор не могу уразуметь, как они могли способствовать столь существенной ломке структуры факультета и его основополагающих ценностей. Решающую роль в открытии отделения сыграли, как это обычно бывает, личности.

Во-первых, это Владимир Андреевич Звегинцев, руководитель как кафедры, так и отделения с момента их основания. В.А.Звегинцев не был вдохновителем и активным участником всесоюзного структурно-прикладного движения, и, как мне кажется, первое время это обстоятельство вызывало по отношению к нему настороженное отношение в структуралистских кругах. Но при существовавшем на филологическом факультете раскладе возможностей у В.А.Звегинцева, несомненно, не было конкурентов. Он, в то время пятидесятилетний профессор, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, резко выделялся широкой эрудицией, прекрасным знанием как истории языкознания, так и современной мировой

---

³ см. [Успенский 1992].

⁴ Спешу уточнить, что я упоминаю далеко не все мероприятия и возникшие в те годы подразделения, имеющие отношение к данному движению.

лингвистики⁵, а также сильным и независимым характером. А при создании совершенно новой структуры нужны были именно такие качества.

Во-вторых, существенную поддержку при создании отделения оказало заинтересованное внимание со стороны представителей математических наук, поднимавшее его авторитет и демонстрировавшее серьезность затеянного новшества. И в этой связи чрезвычайно была важна активная позиция Владимира Андреевича Успенского, блестящего преподавателя кафедры математической логики механико-математического факультета. В.А.Успенский, наряду со своими собственно математическими интересами и занятиями, принимал самое непосредственное участие во всех мероприятиях "структуралистского движения" и в течение ряда лет читал факультативный курс математики для филологов. После открытия отделения он создавал фактически на голом месте концепцию преподавания математики для лингвистов и возглавил преподавание математики на созданном отделении.

2.Эпоха формирования традиций и расцвета (1960-1967)

Итак, отделение теоретической и прикладной лингвистики начало функционировать с сентября 1960 года. Именно так оно сперва называлось, но вскоре, при учреждении в 1961 году кафедры структурной и прикладной лингвистики (призванной осуществлять руководство над этим отделением), было переименовано в отделение структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ). Был начат эксперимент, не имевший прецедентов. Все надо было начинать с нуля. Не существовало ни учебных планов, ни программ курсов, не было опыта преподавания. Учиться должны были и учителя, и ученики. При всем этом у кафедры было главное — готовность к созидательной работе, открытость ко всему новому и неприятие косности и догматизма. На кафедре царила атмосфера первооткрывательства, молодого задора и безусловной веры в "прекрасное завтра", иными словами, нормальная рабочая атмосфера.

Несмотря на немногочисленность, состав кафедры был весьма разнообразным. Кроме самого заведующего, на ней работали широко известные, авторитетные профессора: специалист по русскому языку широкого профиля, один из основателей Московской фонологической школы Петр Саввич Кузнецов; психолог, разрабатывающий проблемы коммуникативных систем, непревзойденный знаток и имитатор "обезьяньего языка" Николай Иванович Жинкин; прославившийся своим напористым участием в знаменитой фонологической дискуссии 1950 года, а позднее трансформационалист и автор модной в то время аппликативной модели Себастьян Константинович Шаумян. Молодое поколение было представлено тогда Ариадной Ивановной Кузнецовой, эрудитом в области дескриптивной лингвистики, и Андреем Анатольевичем Зализняком, прошедшим стажировку в Сорбонне и только что окончившим аспирантуру в МГУ.

Математический цикл обеспечивали молодые талантливые математики, увлеченные приложением математических знаний к гуманитарной науке — лингвистике: Владимир Андреевич Успенский, Юрий Александрович Шиханович и Александр Дмитриевич Вентцель.

Первое десятилетие можно назвать периодом накопления опыта и формирования

---

⁵ Известно, что он — автор двухтомной хрестоматии по истории языкознания и в течение многих лет — заведующий редакцией литературы по вопросам филологии в Издательстве иностранной литературы (впоследствии "Прогресс") и основатель знаменитой переводной серии "Новое в лингвистике", первый том которой также вышел в 1960 году.

традиций. Постепенно отрабатывается *структура учебного плана*. План этот на протяжении истории отделения многократно менялся, и трудно найти такое пятилетие, которое не было бы затронуто теми или иными новациями (поэтому большинство курсов училось по так называемым переходным планам). Однако основные его принципы были намечены уже на первой стадии существования отделения и более или менее окончательно сформированы во второй половине 60-х годов. Какие же это принципы?

Во-первых, *усиленное изучение математики* на протяжении всего периода обучения. Престижная позиция математики при этом определяется не только и не столько возможностями ее практического сиюминутного использования в тех или иных областях лингвистики, а ее репутацией основного претендента на роль общей философии науки: математика формирует специфический научный менталитет, критерии точного знания. В той степени, в какой для лингвиста является целью достижение объективного, точного, адекватного знания (справедливости ради надо отметить, что, при всей важности этих качеств, достоинства лингвистического исследования далеко не исчерпываются ими), в той степени лингвисту необходимо усвоение такого менталитета.

Во-вторых, *максимально углубленное освоение фундаментальных лингвистических знаний в области внутренней структуры языка*. Вместо традиционного филологического курса "Введение в языковедение", в котором эти вопросы обычно затрагиваются весьма бегло, на отделении был введен объемный двухлетний курс "Теория языка", состоящий из четырех частей, в соответствии с основными языковыми уровнями: *общая фонетика, общая морфология, общий синтаксис, общая семантика*.

В-третьих, *особое внимание к русскому языку как основному объекту прикладных исследований*. Русский язык изучается в синхронном и диахроническом аспектах с привязкой к основному курсу "теория языка".

В-четвертых, *интенсивное изучение иностранных языков в практическом плане*.

Эти принципы прошли проверку временем и оказались весьма стабильными. Они и по сей день составляют основу обучения на отделении.

Параллельно с учебным процессом шла работа по организации *научной деятельности*. На факультете еще до создания отделения существовала лаборатория экспериментальной фонетики, основанная некогда А.А.Реформатским. В 1960 году А.А.Реформатский уже на факультете не работал, и лаборатория находилась в крайне запущенном состоянии. Кроме сломанных студийных магнитофонов и интонографа в ней ничего не было⁶. Эта лаборатория была придана кафедре как ее структурное подразделение. Лаборатория и кафедра находились на противоположных концах бесконечного петляющего коридора — главной магистрали филфака.

В.А.Звегинцев добился в 1962 году выделения для лаборатории и кафедры отдельного и довольно просторного помещения в соседнем с факультетом здании (Моховая, 20) — в полуподвальном этаже⁷. Было осуществлено строительство студии звукозаписи с особыми акустическими параметрами (необходимо было, в частности, нейтрализовать помехи, создаваемые шумным соседом и автомобильным движением по улице Герцена), добыта необходимая аппаратура, создавался спектроанализатор силами инженера В.Чудновского, перешедшего из лаборатории В.А.Артемова. В течение ряда

---

⁶ Помню, как я в 1960-1961 году во время работы над дипломной темой по спектральному анализу гласных вынужден был всю экспериментальную часть осуществлять на стороне, в прекрасно по тем временам оборудованной лаборатории В.А.Артемова в МГПИИЯ.

⁷ Там где ранее размещалась поликлиника, рядом с тиром.

лет лабораторией заведовала Зоя Михайловна Мурыгина, позднее заведование перешло к Любове Владимировне Златоустовой.

Вообще надо сказать, что расширению штата лаборатории, ее научной программы и материально-технической базы В.А.Звегинцев уделял много сил и внимания. Замысел его был совершенно ясен и правилен: *лаборатория* должна была стать научным подразделением кафедры, выполняющим разнообразные научно-исследовательские работы по прикладной лингвистике (среди которых экспериментальная фонетика является важной, но не единственной составляющей), а также местом приобщения студентов к самостоятельной научной работе по индивидуальным программам. В этой области сделано было очень много, но осуществление ряда планов наталкивалось на непреодолимые организационные препятствия (отсутствие ставок, средств для импортной аппаратуры и т.п.).

Весной 1962 года на кафедру обратился профессор Дмитрий Юрьевич Панов (в 1954 году он был инициатором развертывания работ по машинному переводу в нашей стране) с необычным предложением: заключить с кафедрой договор (Д.Ю.Панов руководил отделом в одном из закрытых институтов) на проведение работ по автоматической обработке текста. В мае 1962 года был заключен первый в истории факультета *хозяйственный договор* (руководил договором В.А.Звегинцев, А.Е.Кибрик выступал в роли ответственного исполнителя). Впоследствии эта форма сотрудничества с промышленностью и отраслевыми НИИ стала вполне обычной, договора появились и на других кафедрах. На кафедре структурной и прикладной лингвистики число договоров временами переваливало за десяток и на них работало более ста человек, но начало было положено уже в первые годы становления кафедры. Хоздоговорная форма научной работы была задумана как способ материальной и организационной поддержки перспективных научных направлений в вузах, дающей им свободу кадрового маневра, расширяющей их научный потенциал и в то же время сближающей учебный процесс с практикой. Хоздоговора — это советский аналог западной системы научных грантов, на которую мы сейчас мало помалу переходим. Существенно, что в этом отношении кафедра сближалась с естественными факультетами МГУ, будучи на своем родном факультете белой вороной и очень этим некоторых раздражая.

Начиная со второго набора, число поступающих на отделение было определено в 25 человек⁸. И перед кафедрой вставал актуальный вопрос привлечения на отделение одаренной молодежи: ведь в системе школьного обучения лингвистика как предмет отсутствует, а то, что в школе имеется в виду под названием "русский язык", от лингвистики бесконечно далеко. Поначалу возникла подшефная школа (20 спецшкола с преподаванием ряда предметов на иностранном языке). В ней студенты отделения вели факультативные занятия по лингвистике. Одним из этих студентов был Алик (Альфред Наумович) Журинский. Помню, как однажды он подошел ко мне с неожиданным проектом: провести для школьников *лингвистическую олимпиаду*. В качестве заданий можно было бы использовать задачи типа тех, что сочинил А.А.Зализняк⁹.

Большое будущее у этой идеи увидел В.А.Успенский. Он же сформировал и возглавил Оргкомитет по проведению Олимпиады, отнесясь к начинанию чрезвычайно ответственно — как к мероприятию, задуманному на века, и соответствующим образом продумывая все ее детали, начиная с подготовки и издания особого приказа ректора

---

⁸ В дальнейшем число обучающихся на одном курсе всегда примерно соответствовало этой норме.

⁹ Недавно была опубликована его новаторская статья: [Зализняк 1963].

И.Г.Петровского и формулировки ее названия и кончая гардеробом и буфетом. По его предложению, на полутора тысячах афиш, расклеенных по городу, разнесенных в школы и всевозможные учреждения, объявлялась "I традиционная олимпиада по языковедению и математике" (каждое слово в этом названии, включая союз "и" и римскую цифру "I", тщательно обсуждалось¹⁰). Заседания Оргкомитета проходили как захватывающие шоу, особенно когда с председателем вступал в спор въедливый Александр Дмитриевич Вентцель, не прощающий тому ни малейшей неточности. Это был для всех нас, рядовых членов Оргкомитета (в Оргкомитет входили В. А. Успенский, А. Д. Вентцель, А. А. Зализняк, А. Н. Журинский, Б. Ю. Городецкий, И. Г. Милославский, А. Е. Кибрик), замечательный урок стратегического планирования нового мероприятия и облечения необходимой рутинной работы в форму увлекательной игры.

Первая Олимпиада была проведена в 1965 году и стала одной из лучших традиций отделения. Подготовка к ней осуществлялась практически круглый год. Работала задача комиссия, которая сочиняла, отбирала и шлифовала задачи очередной Олимпиады, а за несколько месяцев до ее проведения формировались Оргкомитет и Оргкомиссия (последняя состояла из студентов, которые осуществляли всю практическую работу во время Олимпиады). Олимпиада сыграла известную роль в пропаганде лингвистических знаний как среди школьников, так и среди учителей. Об истории "олимпиадного движения" будет еще говориться ниже, но можно отметить, что среди нынешних известных лингвистов немало призеров нашей Олимпиады.

Олимпиада, кроме своей прямой агитационной функции, выполняла также объединяющую роль на отделении: в неформальной обстановке и на добровольной¹¹ основе студенты разных курсов вместе с преподавателями и аспирантами делали общее дело на благо своего отделения. Кроме всего прочего, это была воспитательная работа в истинном значении этого слова.

В начале 60-х годов наряду с ОСИПЛОм возникали аналогичные отделения и в других университетах страны: в Ленинграде, Киеве, Горьком, Новосибирске, Тбилиси, в МГПИИЯ (Москва). Никаких стандартных или общеобязательных программ для этих отделений не существовало, и каждый "творил, выдумывал, пробовал" по-своему и выживал как умел. ОСИПЛ выступил с инициативой проведения своеобразного обмена опытом — в форме *всесоюзных студенческих конференций по структурной и прикладной лингвистике*. Первая такая конференция была проведена в МГУ в 1965 году, последняя — десятая — в начале 80-х годов. Эти конференции давали студентам возможность приобщиться к академическим формам научной работы, познакомиться с профилем обучения в других вузах. Они проводились в разных городах: Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Горьком, Москве. Однако был замечен разрыв в уровне обучения, особенно в отношении фундаментальной лингвистической подготовки. Большинство аналогичных отделений оказалось нежизнеспособными, и они одно за другим закрывались (сохранилось по сей день, не прервав традиции, только отделение математической лингвистики в Петербурге¹²).

Плодотворный учебный процесс на теоретической кафедре невозможен без научной работы, а научная работа — без публикаций. Прирожденный издатель, В.А.Звегинцев

---

¹⁰ Это название не осталось незамеченным в нашем искусстве: в фильме "Тридцать три" имеется ремарка о первой традиционной олимпиаде по пожарному делу.

¹¹ Лишь этим она отличалась от "картошки", ставшей для многих филфаковцев, как теперь выясняется, самым ярким воспоминанием о студенческой жизни.

¹² Восстановлено было аналогичное отделение в МГЛУ (бывший МГПИИЯ).

решил основать в университетском издательстве особую серию: "*Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики*". Предполагалось в идеале издавать ее выпуски ежегодно. Первый такой выпуск вышел в свет в 1965 году. Назван он был обтекаемо-парадоксально "Теоретические проблемы прикладной лингвистики", и никаких тематических ограничений на состав статей не налагалось.

Возникновением еще одной традиции ознаменовался 1967 год — была проведена первая *научно-учебная лингвистическая экспедиция* по изучению неизвестного языка. В студенческие годы мне довелось побывать в диалектологической экспедиции в Архангельской области и вдохновиться романтикой лингвистических странствий. Опираясь на этот опыт, а также на практику двуязычных олимпиадных задач, я как-то обратился к В.А.Звегинцеву с предложением, что неплохо было бы отработать методику работы с незнакомым языком в полевых условиях и обучать этой методике студентов: это было бы лучшим способом приложения теоретических знаний (и проверки их общности) к живому языковому материалу. Надо сказать, что В.А.Звегинцев, придерживаясь в принципе авторитарного стиля руководства¹³, охотно поддерживал всякую мало-мальски разумную инициативу снизу. И на этот раз он сразу же перевел разговор в практическую плоскость: мол, организуйте и поезжайте. Опасения насчет того, что нет опыта, он не принимал. Попробуйте и научитесь.

В первой экспедиции участвовало восемь исследователей: четверо преподавателей и сотрудников (Б.Ю.Городецкий, А.И.Кузнецова, А.Е.Кибрик, И.П.Оловяникова) и четверо студентов (среди них А.Н.Барулин, впоследствии основатель и декан факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ). В качестве объекта исследования был избран один из дагестанских языков — лакский. Больших научных достижений эта экспедиция не принесла, но она дала уверенность в реализуемости задуманной программы (см. ниже).

3. Эпоха зрелости и защиты завоеваний (1968-1981)

У кафедры постепенно накапливался опыт. Пошли первые выпуски, появились аспиранты-осипловцы. Некоторые из них вливались в коллектив кафедры: из первого выпуска — Б.Ю.Городецкий, О.Ф.Кривнова (она же Крутикова), из второго — В.В.Раскин, из третьего — А.К.Поливанова.

Выход в свет первого сборника трудов кафедры (вышел он довольно быстро и без особых затруднений) окрылил, и издательские планы расширялись. Возникла идея, наряду со сборниками статей, издавать *серию монографий* (см. об этом ниже).

В.А.Звегинцев решил также расширить поле своей издательско-просветительской деятельности¹⁴, распространив ее на кафедру и учредив в составе "Публикаций" *серию переводов*. Силами сотрудников кафедры были переведены и изданы две работы ведущего американского лингвиста Н.Хомского: [Хомский 1970, 1072].

Итак, можно констатировать, что за десять лет своего существования ОСИПЛ сформировался как полноценное учебно-научное подразделение, живущее интенсивной полнокровной жизнью и достигшее уже определенных вполне осязаемых успехов.

Основные формы его существования и активности были созданы и, казалось бы, работать дальше должно было бы быть легче. Однако на самом деле ситуация

---

¹³ Не из-за своих тиранических наклонностей, а из-за органического неприятия всякой "болтовни" — самой уничижительной характеристикой в его устах был приговор: "Имярек — балаболка".

¹⁴ Им было выпущено за 60-е годы пять томов "Нового в лингвистике", правда, между четвертым и пятым был интервал в пять лет.

складывалась далеко не такая безоблачная. И опять действовали объективные и субъективные факторы.

Постепенно изменялась общественно-политическая обстановка в стране. Угасало животворное дыхание "оттепели", устанавливался всеудушающий климат "застоя". На смену логики поступательного движения и торжества здравого смысла приходили логика топтания на месте и торжество демагогии. Увлеченность делом, энтузиазм и стремление к разумной деятельности становились все более подозрительными и предосудительными — это возмущало спокойствие и роняло тень на тех, кто лишь имитировал деятельность и энтузиазм. Укреплялись позиции абсурдного житейского принципа: чем более весомы твои результаты, тем хуже для тебя. В целом по стране усиливалась тенденция "притормаживания инициатив". Рос накал борьбы с инакомыслием, с теми, кто имел склонность иметь и, особенно, высказывать свое мнение по вопросам, относящимся к партийным прерогативам (а круг этих прерогатив был ничем не ограничен). Неудивительно, что удельный вес "инакомыслия" был особенно высок в среде научной интеллигенции, а внутри нее — в наиболее активно развивающихся областях (сама специфика профессиональной деятельности воспитывает самостоятельность мышления и неприятие догматизма). Поэтому в кругу гуманитариев именно структуралисты особенно отличились своей "неблагонадежностью".

Этот неблагоприятный общий фон накладывался на и без того непростые отношения кафедры с факультетом. С самого начала жизнь ее протекала довольно независимо и не укладывалась в традиционные представления о филологии. Многим специфика кафедры была совершенно чужда и непонятна, вызвала у них недоумение. Такая реакция вполне объяснима. Может быть, следовало бы вести разъяснительную работу, привлечь на свою сторону тех лингвистов, которые готовы воспринять новые задачи. Но В.А.Звегинцев придерживался другой стратегии: он предпочитал заручиться поддержкой ректора и декана в каждом конкретном деле, чем заниматься агитацией на факультете. Уверенный в своей правоте, он решительно проводил линию на независимость¹⁵. Его главный тезис был: "Не мешайте нам работать".

Кафедра ряд лет была действительно свободна в своей повседневной деятельности благодаря твердой позиции своего руководителя. Способствовало этому также то обстоятельство, что первые годы она была стопроцентно беспартийной и, следовательно, малопроницаемой для повседневного контроля партийной организации. Первый член партии на ней появился лишь в 1964 году (Л.В.Златоустова была лично приглашена В.А.Звегинцевым на кафедру из Казани, где она до того работала в Казанском государственном университете).

К концу 60-х — началу 70-х годов, когда естественные трудности роста были уже позади, когда ОСИПЛ почти достиг своего расцвета и, казалось, можно было начинать собирать плоды "трудов праведных", внешнее давление на него стало заметно усиливаться.

Первым прогремело на кафедре и факультете "дело Шихановича". Ю.А.Шиханович выполнял основную нагрузку по математике на отделении, будучи, в отличие от прочих математиков, штатным сотрудником филфака. Я не встречал за всю свою жизнь более

---

¹⁵ Упрекая В.А.Звегинцева в его "неконтактности", не следует забывать, что далеко не все на факультете были благосклонны или хотя бы безразличны к объективным успехам кафедры. Здесь сказывались и личные амбиции некоторых ведущих профессоров факультета, и принципиальные разногласия. Что греха таить, были на факультете и злопыхатели. Но надежды некоторых, что кафедра вот-вот "лопнет как мыльный пузырь", а кое-кто и вообще "попадет за решетку" (за хоздоговора), явно не сбывались.

фанатически преданного своему предмету преподавателя, чем Юрий Александрович Шиханович. Он не щадил ни своего времени, ни, тем более, времени своих студентов ради достижения педагогических результатов. Кульминацией учебного процесса были экзамены. Длились они до закрытия факультета, после чего Ю.А.Шиханович увел своих жертв на центральный телеграф, где продолжался этот пир математической мысли. Можно было по-разному относиться к этим математическим марафонам, но невозможно было усомниться в высочайшей преданности Шихановича своему делу. За несколько недолгих лет преподавания на отделении Ю.А.Шиханович подготовил и опубликовал книгу [Шихановича 1965], ставшую незаменимым учебным пособием для осипловцев и оставшуюся таковым по сей день. И вот этот-то преподаватель был в 1968 году уволен в одну из первых волн борьбы с "подписантами" (Ю.А.Шиханович участвовал в письме в защиту А.С.Есенина-Вольпина). Это была одна из политических репрессивных кампаний, чередой которых не заставила себя ждать.

К сожалению, в тот момент кафедра была существенно ослаблена разногласиями между двумя тезками, Владимиром Андреевичем Звегинцевым и Владимиром Андреевичем Успенским, возникшими на почве выделяемого объема часов на преподавание математики в учебном плане¹⁶. У каждого из них были все основания считать правым себя, но плохо то, что разногласия эти переросли в открытый конфликт, сильно повредивший делу. В.А.Успенский перестал курировать математический цикл, и это сильно снижало шансы отстоять Ю.А.Шихановича, формально относящегося к коллективу филфака, но совершенно ему чуждого, несмотря на открытое сочувствие к нему со стороны многих студентов и сотрудников ОСИПЛа. Как я помню, со слов В.А.Звегинцева, ректор И.Г.Петровский лично был против увольнения Ю.А.Шихановича, но вынужден был приказ подписать, под давлением решения Ученого совета филфака.

Не получил столь громкой огласки, но находился в досье кафедры тот факт, что еще один ее сотрудник, Сандро Васильевич Кодзасов, был "подписантом". Он подписал письмо в защиту тогда еще начинающего свой путь "диссидента" Александра Гинзбурга¹⁷.

В 1973 году кафедра "скомпрометировала" себя тем, что ее бывший сотрудник Виктор Витальевич Раскин эмигрировал в Израиль (за полгода до этого он тихо и необъяснимо для всех уволился), а некоторые из сотрудников кафедры "запятнали" себя тем, что пошли с ним проститься. Двух из них, имевших отношение к преподаванию на ОСИПЛе (А.Е.Кибрика и Б.Ю.Городецкого), от этой деятельности отстранили, и этот "хвост" неблагонадежности тянулся за ними (и за кафедрой) пятнадцать лет.

Более тихо прошел отъезд С.К.Шаумяна в 1974, так как он работал на кафедре совместителем. Но репутация кафедры как коллектива с якобы "мощным эмиграционным потенциалом" усиливалась. Этому способствовало то, что в том же

---

¹⁶ Первый настаивал на уменьшении числа часов с целью расширения состава лингвистических дисциплин, второй против этого уменьшения категорически возражал.

¹⁷ Против С.В.Кодзасова, работавшего научным сотрудником по хоздоговору, открытое разбирательство удалось предотвратить, но в течение многих лет, при ежегодном перезаключении договора в январе месяце, поднимался вопрос о продлении его работы, и мы с трепетом ждали возвращения В.А.Звегинцева от декана, Алексея Георгиевича Соколова, подписывавшего представление на продление работы. По этой же причине было совершенно невозможно перевести С.В.Кодзасова в постоянный штат, несмотря на его очевидные выдающиеся способности и знания.

году подал документы на выезд студент ОСИПЛа Александр Лубоцкий, и здесь комсомольская и партийная организация вкупе с преподавателями марксизма-ленинизма (в особенности курировавшей факультет В.И.Шишкиной) устроили настоящую чистку среди "пока еще остающихся студентов", выискивая среди них сочувствующих.

Конечно, у этих кампаний была своя объективная неотвратимость, но у ответственных за ее проведение людей также имелись возможности ею управлять. Так, Леонид Григорьевич Андреев, заняв пост декана осенью 1975 года, свой первый визит в ректорат и партком специально посвятил тому, чтобы добиться отмены запрета на преподавание Городецкому и Кибрику. Значит, и в те годы что-то зависело от личной позиции каждого конкретного руководителя (разумеется, до поры до времени: тот же Андреев был без всяких обоснований смещен ректором А.А.Логуновым с поста декана в 1981 году).

Весь этот "компромат" и в те годы ни на что большее, чем на компромат, не тянул, но он был в арсенале недоброжелателей кафедры и лично ее заведующего. А недоброжелатели у него, и притом весьма влиятельные, были.

В 1973 году в издательстве МГУ вышла книга В.А.Звегинцева [Звегинцев 1973], в которой автор мимоходом, но в довольно свободной форме высказывался о том, что он думает по поводу научных достижений некоторых своих коллег. И эти коллеги не преминули воспользоваться благоприятным моментом для нанесения ему ответного удара.

Для многих старожилов факультета памятно то обсуждение книги Звегинцева 12 декабря 1973 года в переполненной 9-й аудитории. Задумано было провести его по лучшим образцам идеологических дискуссий конца 40-х годов и квалифицировать книгу как образец вредной буржуазной, антимарксистской позиции, разоблачающей истинное политическое лицо ее автора. Для этого нужно было единодушие, и силы были стянуты немалые. Но единодушия не получилось. Во-первых, аудитория явно болела не за ту сторону, и оппонентов Звегинцева она встречала гулом неодобрения, а то и топотом. Во-вторых, и среди выступавших нашлись не только противники, но и защитники Звегинцева. Особенно сильным было выступление академика Бориса Александровича Серебренникова. Он начал с того, что другом Звегинцева он не только не является, но наоборот, пятнадцать лет с ним не здоровался. Но после этой книги он хочет пожать ему руку. Далее все идеологические ярлыки Серебренников, признанный идеологический авторитет, отмел.

В итоге обсуждение оказалось скомканным и вообще не было понятно, кто в нем победил. Однако радоваться осипловцам тоже было нечему. Начинается длительная осада Звегинцева и его детища ОСИПЛа. В этой осаде все "хвосты" годятся. Усиленно ищутся новые. Сверхпристрастной экспертизе подвергают находящуюся в верстке в издательстве новую книгу Звегинцева [Звегинцев 1976]. Создаются специальные комиссии, книга заново многократно рецензируется, обсуждается на кафедре и на специальном заседании Лингвистической секции Ученого совета (26.04.74), и даже после всех положительных заключений по настоянию О.С.Ахмановой ее рецензируют несколько философов на предмет обнаружения идеологических ошибок. Вся эта деятельность результатов не дала, затянув, правда, издание книги на пару лет и нанеся ее автору и ОСИПЛу значительный моральный урон. Кафедру обследуют одна комиссия за другой. Надо сказать, что далеко не все комиссии выносили отрицательные суждения о работе кафедры — и действительно, это было не так просто сделать. Но искали не истину, а нужный материал, и назначали новую комиссию, с более подходящим составом. Особенно отличилась комиссия парткома МГУ с участием

Р. Г. Котова. Как известно, практика обращения с партийными документами была продумана так, чтобы вся их неблаговидность не всплывала наружу, поэтому решения эти циркулировали засекреченно, доводились до широкой публики, в том числе той, которой это непосредственно касалось, в форме пересказа. Жаль, что не сохранились (?) архивы парткома, интересно было бы освежить в памяти эти произведения. Но я помню, что Котов вменял кафедре в вину патриотизм ее студентов (они считают, что их отделение лучше других на факультете) и, мягко говоря, намекал, с указанием фамилий, какие из ее сотрудников по достоверным сведениям вот-вот предадут Родину в направлении Израиля. Результаты деятельности этой комиссии породили решение парткома МГУ о плачевном положении дел на ОСИПЛе, а затем — целую вереницу последующих комиссий по преодолению недостатков работы кафедры. Информированный Р. Г. Котовым, первый секретарь райкома партии Протопопов рекомендовал директору предприятия НИИ "Восход", только что заключившего с кафедрой перспективный трехлетний договор, расторгнуть его ввиду политической неблагонадежности его основных исполнителей.

Если в 60-е годы крепла и мужала кафедра, то в 70-е - 80-е — ее партийная группа. Она, в целях ее усиления, была объединена с партгруппой кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания¹⁸. Сугубо профессиональные текущие дела кафедры решались не заведующим и компетентным преподавательским коллективом, а безликим партийно-цеховым большинством, никакого отношения к делу не имеющим, за его успех не болеющим и за результаты своих решений не отвечающим.

Ситуация, сложившаяся вокруг кафедры, в известной степени была проекцией общеполитической ситуации в стране и в академической науке, в частности. В этой связи нельзя не упомянуть о том колоссальном вреде, который был нанесен отечественной лингвистике репрессиями в отношении Игоря Александровича Мельчука. И. А. Мельчук к началу 70-х годов являлся неформальным лидером в области структурной и прикладной лингвистики. Его концепция интегральной модели языка (модель "Смысл — текст") по тому времени значительно опережала аналогичную теорию наиболее популярного западного лингвиста Н. Хомского. По железной логике того времени это означало, что именно Мельчуку должны были создаваться самые унизительные, невыносимые условия работы и существования. И именно его нужно было (в марте 1976 года) не переехать в Институте языкознания АН СССР как несоответствующего занимаемой должности. Поводом для этого послужило его выступление в защиту академика А. Д. Сахарова. Уволенный из института и лишенный возможности профессиональной деятельности, он вынужден был эмигрировать (в Канаду). Более десяти лет его имя (а, следовательно, и его дело) было под запретом (см. Главу 4).

Я остановился на этих негативных моментах достаточно подробно потому, что на их фоне протекала вся жизнь кафедры: без знания их невозможно правильно оценить, что позитивного за этот период было сделано. Итак, что же все-таки было сделано? Для краткости я пройду по основным направлениям деятельности кафедры.

Научная работа. Накопленный в 60-е годы научный потенциал приносит результаты. Хотя каждая кафедральная публикация проходит все с большим трудом и темп их издания замедляется, все же в серии сборников с 1965 по 1980 гг. вышло девять

---

¹⁸ Я, не являясь ее членом, не собираюсь писать ее историю, могу только констатировать, что она являлась для кафедры как молотом, так и наковальней.

выпусков, в серии монографий с 1969 по 1980 — четырнадцать¹⁹. Кроме того, за это время В.А.Звегинцев издает несколько книг вне серий.

Большим достижением ОСИПЛа можно считать развернутую на нем научную деятельность в рамках хоздоговоров. Тематика работы была очень разнообразной. В известной мере она диктовалась интересами заказчиков, но в основном разрабатывались фундаментальные научные проблемы. Руководили договорами В.А.Звегинцев, А.Е.Кибрик, Л.В.Златоустова, Б.Ю.Городецкий. Хоздоговора позволяли также в значительной мере смягчить кадровые проблемы кафедры: на договорах одно время работало несколько десятков ее выпускников²⁰.

Экспедиции. Период расцвета экспедиционного движения приходится именно на 70-е годы. Увеличивается как число экспедиций, так и число участников. Выделяется три научных направления экспедиционной работы. С 1968 по 1977 год А.И.Кузнецова проводит 10 самостоятельных экспедиций по изучению уральских языков народов Севера (коми, ненецкого, энецкого, селькупского). Эти занятия, несомненно, повлияли на интерес Кузнецовой к финно-угроведению, вылившийся в конце концов в организацию особой кафедры на факультете под ее руководством²¹. Второе направление — исследование грамматической структуры малоизученных бесписьменных и младописьменных языков, начало которому было положено с первой экспедиции. Этим направлением руководил А.Е.Кибрик. С 1970 года выделяется и третье направление, возглавляемое Б.Ю.Городецким: лексическая семантика и лексикография малых языков. В некоторые годы в поле выезжает более половины всех студентов отделения. Экспедиции становятся третьим семестром в обучении. Кстати, популярность экспедиций среди студентов и их научные успехи явились во второй половине 70-х годов, в соответствии с практиковавшейся тогда на факультете логикой абсурда, причиной попыток вытеснения их из процесса обучения. Это делалось одновременно с изживанием компонента "структурная" из названия кафедры и сведением ее сути лишь к прикладной проблематике. Из престижного вида деятельности экспедиционная работа превращалась в падчерицу на отделении. С 1978 года перестала

---

¹⁹ *Вып.1:* Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. 1969. *Вып.2:* Златоустова Л.В., Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф., Фролова И.Г. Алгоритмы преобразования русских орфографических текстов в фонетическую запись. 1970. *Вып.3:* Кибрик А.Е. Модель автоматического анализа письменного текста. 1970. *Вып.4:* Городецкий Б.Ю. и др. Словари словосочетаний и частотные словари слов ограниченного военного подъязыка. 1971. *Вып.5:* Городецкий Б.Ю., Раскин В.В. Методы семантического исследования ограниченного подъязыка. 1971. *Вып.6:* Раскин В.В. К теории языковых подсистем. 1971. *Вып.7:* [номер пропущен]. *Вып.8:* 200 задач по языковедению и математике. 1972. *Вып.9:* Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., И.П.Оловяникова. Фрагменты грамматики хиналугского языка. 1972. *Вып.10:* Кибрик А.Е. Методика полевых исследований. 1972. *Вып.11:* Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., И.П.Оловяникова, Д.С.Самедов. Опыт структурного описания арчинского языка. Том 1. Лексика. Фонетика. 1977. *Вып.12:* Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Том 2. Таксономическая грамматика. 1977. *Вып.13:* Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Том 3. Динамическая грамматика. 1977. *Вып.14:* Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., И.П.Оловяникова, Д.С.Самедов. Арчинский язык. Тексты и словари. 1977. *Вып. 15* [ошибочно назван Вып.8]: Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект). Том 1. 1980.

²⁰ С сугубо официальной точки зрения выполнение кафедрой заказов со стороны должно было также считаться ее плюсом. Но парадоксальным образом в партийные решения записывается тезис о перекосе в кадровой политике кафедры, необходимости сокращения хоздоговорного штата (что и проводится успешно в жизнь при том, что за десять лет в ее бюджетный штат не взят почти никто из ее выпускников, за исключением Ирины Михайловны Кобозевой в 1975 году), о недопустимости привлечения к преподаванию хоздоговорных сотрудников. Более того, начинается война с конкретными темами и запрещение их проводить на кафедре. В это время кафедра русского языка оказала ОСИПЛу поддержку (К.В.Горошкова, Г.А.Хабургаев, В.А.Белошапкова) и условно перевела часть договоров к себе, сохранив таким образом отдельные направления и коллективы.

²¹ Эта кафедра существовала в структуре факультета с 1988 по 1996гг.

ездить А.И.Кузнецова, сократилось число студентов в других экспедициях, в 1983-1985 годах студенты вообще не принимают участия в экспедициях Кибрика.

Олимпиады. Олимпиадное движение вплоть до 82-го года процветает. В 1972 году в серии монографий публикуется сборник двухсот олимпиадных задач [Двести задач 1972], а в 1983 в издательстве "Просвещение" тиражом 180 тысяч экземпляров — сборник лингвистических задач с решениями [Лингвистические 1983]. Во второй половине 70-х годов налаживается сотрудничество по совместному проведению олимпиад с Ленинградским и затем Киевским университетами: по единым заданиям, разработанным на ОСИПЛе, одновременно проводятся олимпиады в нескольких городах. Вынашиваются планы проведения всесоюзной олимпиады.

Научные чтения. В 1981 году, взамен студенческих конференций, был учрежден институт чтений выпускников отделения. Это был своеобразный парад результатов работы кафедры -- подготовленной ею смены.

Учебный процесс. В 70-е годы серьезным образом углубляется преподавание основных лингвистических дисциплин, расширяется круг спецкурсов и спецсеминаров, все большее влияние на интересы студентов, их специализацию оказывают лингвистические экспедиции и участие в хозяйственных работах. На ОСИПЛе ряд основных курсов начинает читать А.А.Зализняк, непревзойденные качества которого как ученого, педагога и личности обладают для студентов огромной притягательностью, начинают преподавать сотрудники младшего поколения (А.Е.Кибрик, Б.Ю.Городецкий, О.Ф.Кривнова, А.К.Поливанова, Н.И.Лепская, И.М.Кобозева). К сожалению, начавшийся в 60-е годы процесс закрепления на кафедре наиболее перспективных выпускников отделения был практически почти полностью заморожен.

После памятного обсуждения книги Звегинцева он тяжело заболел. В августе 1974 года с ним случается инфаркт. На длительное время он выходит из строя, и его обязанности исполняет Л.В. Златоустова. После выздоровления Звегинцева травля его не прекращается. Положение усугубляется появлением раскола внутри кафедры — между ее заведующим, с одной стороны, и секретарем цеховой парторганизации (Л.В.Златоустовой), с другой. Вся кафедра в той или иной степени участвует в этом конфликте.

Неправильно было бы считать, что в сложившейся ситуации Звегинцев всегда был прав и не совершал ошибок. Они были, к сожалению, но не хотелось бы на них долго останавливаться, так как они не касались кардинальных моментов существования ОСИПЛа, хотя верно и то, что в условиях борьбы за выживание каждый неверный шаг может иметь фатальное значение. Увы, в этой затяжной борьбе вновь проявилась его человеческая слабость: не дорожить сторонниками и умножать число своих противников (так, я многократно в глаза говорил ему, что не согласен с его отношением к тогдашнему декану Л.Г.Андрееву, который, я был убежден, был нашим союзником, но которому Звегинцев фактически не давал возможности это проявить).

4. Тяжелые времена (1982-1988)

К началу 80-х годов кольцо осады вокруг Звегинцева сжимается. Фактически уже несколько лет ОСИПЛ существует по инерции, лишь за счет накопленных ресурсов. Никакие новые инициативы невозможны. Неоднократно откладываются сроки очередного конкурса на замещение должности заведующего кафедрой, так как кандидатура В.А.Звегинцева для руководства МГУ неприемлема. Весной 1982 года Звегинцев подает заявление о добровольном оставлении своего поста в обмен на устное

обещание ректора А.А. Логунова, что будет объявлен конкурс и избран новый заведующий. В качестве своего кандидата В.А.Звегинцев называет Б.Ю. Городецкого.

Кажется, что, как теперь говорят, политическое решение найдено, польза дела восторжествовала. Б.Ю. Городецкий, действительно, назначается исполняющим обязанности заведующего. Страсти утихают, наступает летнее затишье.

Однако обещание ректора выполнено не было: приказом Логунова №940 от 23 июля 1982 года кафедра структурной и прикладной лингвистики, которая по праву могла бы считаться гордостью факультета и университета, была ликвидирована и слита с кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, и заведует этой объединенной кафедрой Ю.В.Рождественский. В первых числах сентября становится также известно, что курс сравнительно-исторической грамматики читает не А.А.Зализняк, как обычно, а О.С.Широков, так как Зализняк на кафедре более не работает: его услуги как совместителя новой кафедре не нужны. А.А.Зализняк, конечно, не пропал, его тут же пригласила к себе кафедра русского языка, и студенты с ОСИПЛа могли слушать его там, но стало ясно, что основные ценности ОСИПЛа беспардонно разрушаются.

В истории кафедры образовалась шестилетняя черная дыра: кафедра была восстановлена приказом того же ректора в августе 1988 года.

Однако ОСИПЛ продолжал существовать. Проходили очередные наборы студентов, защищались дипломные работы, шли занятия. Кромсался учебный план, убирались одни, вставлялись другие предметы, всем этим руководили другие люди. Началось настойчивое истребление теоретической и описательной проблематики, особенно в темах курсовых и дипломных работ: все интересы студентов ограничивались узко трактуемой прикладной лингвистикой. Иссякло на несколько лет студенческое экспедиционное оживление, прекратилась с 1983 года Олимпиада, но этого никто из руководства и не заметил. Практически остановились университетские издания, а то немногое, что выходило, требовало экстраординарных усилий и борьбы.

Из традиций предыдущего этапа сохранилось проведение *научных чтений выпускников отделения*: это была ниточка преемственности, напоминание о том, что было отделением сделано. Эти чтения проходили, начиная с 1981 года, в 1982, 1983, 1984 и 1986 годах.

Весной 1988 года скончался Владимир Андреевич Звегинцев. Провожал его в последний путь весь ОСИПЛ. В эти дни как раз проходила большая конференция бывших осипловцев в Звенигороде, и они, прервав ее, приехали на автобусах на Хованское кладбище: по желанию покойного, на факультете гражданской панихиды не было.

ОСИПЛ переживает чрезвычайно трудные времена. Неоднократно с болью приходилось слышать в лингвистических кругах и среди выпускников ОСИПЛа о том, что отделения больше нет. Но несмотря на эти заключения и прогнозы ОСИПЛ все-таки существовал. Продолжала действовать инерция приведенного некогда в движение механизма, и обнаружилось, что придавшая ему ускорение сила — необыкновенного размаха и что этот механизм, несмотря на свои незначительные размеры, имеет грандиозную массу.

5. Жив курилка (1988-1991)

Новый учебный 1988 год ОСИПЛ начинал в новом качестве. Просуществовавшая бесславно шесть лет объединенная кафедра общего, сравнительно-исторического и

прикладного языкознания была разделена, и то, что осталось от кафедры структурной и прикладной лингвистики, выделилось в кафедру прикладного языкознания (новое название кафедры родилось где-то в недрах администрации и с коллективом не согласовывалось). За эти годы кафедра понесла большие потери. Умер в опале В.А.Звегинцев, изгнан с кафедры профессор А.А.Зализняк — кумир студентов и один из выдающихся лингвистов современности, покинули кафедру ее опытнейшие преподаватели Б.Ю.Городецкий и А.К.Поливанова, а также замечательный знаток фонетики и фонологии С.В.Кодзасов, несколько позже кафедра лишилась главного двигателя учебного процесса А.И.Кузнецовой, возглавившей открывающуюся кафедру финно-угорской филологии²², и незаменимого друга и защитника студентов, бессменной лаборантки кафедры Надежды Ивановны Акимовой.

Разделение кафедр сопровождалось также отделением лаборатории, которую Звегинцев так старательно создавал, считая необходимым подразделением кафедры, и приданием ей статуса независимой межкафедральной Лаборатории фонетики и речевой коммуникации.

В довершение всего приказ о создании кафедры прикладного языкознания парадоксальным образом не предусматривал в ее штатном расписании должности заведующего. Поэтому более трех кафедр существует без официального руководителя.

Постепенно начинается восстановление кафедры и ее институтов. Так, уже начиная с 1986 года *возобновляются студенческие экспедиции* по изучению малых языков под руководством А.Е.Кибрика. В 1989 году, после перерыва, *вновь проводятся Олимпиады*, теперь уже совместно с народившимися родственными кафедрами московских вузов: в Историко-архивном институте в 1987 году была создана кафедра теоретической и прикладной лингвистики (под руководством бывшего выпускника ОСИПЛа А.Н.Барулина), а в 1991 году институт был преобразован в Российский государственный гуманитарный университет (РГУ) с факультетом теоретической и прикладной лингвистики; в МГПИИЯ (с 1990 года — Московский государственный лингвистический университет, МГЛУ) в 1988 году было открыто отделение прикладной лингвистики под эгидой двух кафедр — прикладной и экспериментальной лингвистики (под руководством Р.К.Потаповой) и лингвистической семантики (под руководством Б.Ю.Городецкого).

С 1989 года кафедра начинает работу по *новому учебному плану*, включающему в себя все ценное из осипловской традиции и учитывающему происшедшие в науке изменения. А именно, вводится два системных цикла: *"прикладные лингвистические дисциплины"* и *"смежные научные дисциплины"* (культурология, семиотика, анализ литературного текста, социология, психология, информатика, искусственный интеллект). В новой исторической ситуации, когда кадровый состав кафедры значительно ослаблен, основной упор делается на активное привлечение к преподаванию (как основных, так и специальных курсов) бывших выпускников отделения, активно работающих в большой науке.

6. Новейшая история (1992-2000)

С начала 90-х годов коренным образом изменилась общественно-политическая ситуация в стране, изменился факультет. Ушли в небытие и многие надуманные трудности ОТИПЛа, раздиравшие его противоречия. В декабре 1991 года на факультете проходят небывало шумные и демократичные выборы декана — на альтернативной

---

²² Эта кафедра существовала на факультете с 1990-го по 1997-й год.

основе. Только что избранный декан Марина Леонтьевна Ремнева назначает и проводит выборы заведующего восстановленной в 1988 году кафедры, и в марте 1992 года в результате конкурса на альтернативной основе²³ новый заведующий был избран (А.Е.Кибрик). Практически одновременно по представлению нового заведующего кафедра и отделение переименовываются, им возвращается первоначальное название. Теперь это кафедра (и отделение) теоретической и прикладной лингвистики — ОТИПЛ.

Примечательно, что 1992 год стал годом *компьютерной революции* на отделении (и на факультете в целом). В течение тридцати лет работая на совершенствование компьютерного естественно-языкового интерфейса, кафедра не располагала компьютерной техникой, несмотря на бесчисленные призывы и обращения к начальству. Теперь же она получила от факультета компьютерный парк для обеспечения научной и учебной работы по инициативе самого декана! И, прямо скажем, не в самый для нашего отечества экономически благополучный год. Это вселяло надежду.

Тем не менее предстояло проделать длинный путь. Прежде всего, необходимо было значительно *усилить кадровый состав кафедры*, соответствующий программе обучения на ОТИПЛе. Основной костяк кафедры в тот период составляли Т.С. Зевахина, Л.В.Златоустова, Е.А.Илюшина, И.М.Кобозева, О.Ф.Кривнова, Н.И.Лепская, А.А.Поликарпов. Несмотря на профессиональную компетентность каждого из них, нужны были специалисты по многим лингвистическим направлениям, охватывающим все основные разделы современного языкознания.

И состав кафедры медленно, но верно изменялся. К 2000 году он сменился на 2/3. Можно сказать, что на данный момент он в целом сформирован, и подавляющее число основных и специальных курсов теперь читается сотрудниками кафедры. Из 18 членов кафедры шесть человек работают на ней несколько десятилетий и осуществляют преемственность ее традиций. Это профессора А.И.Кузнецова, Л.В.Златоустова и А.Е.Кибрик, доцент И.М.Кобозева и старшие научные сотрудники О.Ф.Кривнова и Т.С.Зевахина. Далее, шесть человек относятся к молодому поколению на кафедре. Это выпускники отделения, написавшие и защитившие диссертации в середине - конце 90-х годов, продуктивно работающие в различных областях лингвистики и несмотря на свой возраст уже успевшие получить ряд многообещающих результатов. К ним относятся старшие преподаватели С.Г.Татевосов, К.И.Казенин и Е.А.Лютикова, младшие научные сотрудники С.Ю.Толдова, О.Ф.Федорова и Е.Ю.Калинина. И, наконец, с начала 90-х годов на кафедре постоянно работают по совместительству шесть ученых среднего поколения из академических институтов²⁴: доктора наук В.М.Алпатов, А.Н.Баранов и В.А.Плунгян, кандидаты наук В.И.Беликов, С.В.Кодзасов и А.А.Кибрик. Участие этих авторитетных ученых в учебной и научной работе кафедры позволяет укрепить ее связь с академической наукой и обеспечить высокий профессиональный уровень преподавания многих фундаментальных дисциплин.

---

²³ В решающий для ОСИПЛа момент, в процедуре обсуждения программ кандидатов (Ю.А.Марчука и А.Е.Кибрика) на заседании кафедры, вновь, как и на заре существования ОСИПЛа, существенную роль играет В.А.Успенский. Его знаковое присутствие на заседании и активное участие в обсуждении (довольно туманных) перспектив кафедры в значительной мере повлияло на дальнейшее развитие событий.

²⁴ Почти все они (за исключением С.В.Кодзасова, вернувшегося на кафедру в новом качестве совместителя) — выпускники ОСИПЛа разных лет. С 2001 года С.В.Кодзасов становится кадровым сотрудником кафедры.

Отличительной особенностью членов кафедры является широта их научных интересов, вовлеченность в различные научные проекты, углубленное занятие как теоретическими вопросами языкознания, так и конкретной работой с языковым материалом. На протяжении 1997-2000 годов научная работа кафедры ведется по следующим направлениям:

1) *русский язык: прагматика* (А.Н.Баранов, А.А.Кибрик), *фонетика* (Л.В.Златоустова, С.В.Кодзасов, О.Ф.Кривнова), *морфология* (В.А.Плунгян, С.Г.Татевосов), *синтаксис* (А.Е.Кибрик, К.И.Казенин, Е.Ю.Калинина, О.В.Федорова), *семантика* (А.Н.Баранов, И.М.Кобозева, С.Г.Татевосов), *культура речи* (В.И.Беликов, А.И.Кузнецова);

2) *теория языка* (В.М.Алпатов, А.Н.Баранов, Л.В.Златоустова, К.И.Казенин, Е.Ю.Калинина, А.А.Кибрик, А.Е.Кибрик, И.М.Кобозева, С.В.Кодзасов, О.Ф.Кривнова, А.И.Кузнецова, Е.А.Лютикова, В.А.Плунгян, С.Г.Татевосов, С.Ю.Толдова, О.В.Федорова);

3) *типология* (В.М.Алпатов, К.И.Казенин, Е.Ю.Калинина, А.А.Кибрик, А.Е.Кибрик, С.В.Кодзасов, А.И.Кузнецова, Е.А.Лютикова, В.А.Плунгян, С.Г.Татевосов, С.Ю.Толдова, О.В.Федорова);

4) *социолингвистика* (В.М.Алпатов, В.И.Беликов, А.И.Кузнецова)

5) *психолингвистика*²⁵ (О.В.Федорова);

6) *история языкознания* (М.В.Алпатов);

7) *теоретические основания прикладной лингвистики* (А.Н.Баранов, Т.С.Зевахина, Л.В.Златоустова, К.И.Казенин, Е.Ю.Калинина, А.Е.Кибрик, О.Ф.Кривнова, Е.А.Лютикова, С.Г.Татевосов, С.Ю.Толдова);

8) *комплексные полевые исследования: документация малочисленных языков России* (Т.С.Зевахина, К.И.Казенин, Е.Ю.Калинина, А.Е.Кибрик, С.В.Кодзасов, А.И.Кузнецова, Е.А.Лютикова, С.Г.Татевосов, С.Ю.Толдова);

9) *языки мира: языки Африки* (В.А.Плунгян), *языки Америки* (А.А.Кибрик), *языки Океании* (В.И.Беликов), *японский язык* (В.М.Алпатов).

Этот сухой перечень отражает научную проблематику кафедры и систему неформальных внутрикафедральных коллективов по состоянию на конец 2000 года. Он наглядно показывает, во-первых, что большинство членов кафедры имеют разнообразные научные интересы, и во-вторых, что в совокупности практически почти по каждому фундаментальному направлению в современной лингвистике на кафедре имеются специалисты.

В 1994 году был пересмотрен учебный план отделения, в него был введен ряд новых дисциплин, сформированы основные циклы обучения. А именно: *теория языка* (цикл включает основные разделы и методы лингвистической науки, среди них новые курсы — дискурс, формальный аппарат лингвистики, типология, языки мира), *русский язык, иностранные языки, основы прикладной лингвистики, смежные научные дисциплины* (такие как семиотика, культурология, психология, социология, искусственный интеллект), *основы программирования, основы математики и дисциплины специализации* (система альтернативных курсов по выбору,

---

²⁵ До своей кончины в 1998 году это направление возглавляла в течение многих лет Наталья Ильинишна Лепская.

осуществляющих узкую профессиональную подготовку).

Новый план потребовал от кафедры больших усилий по подготовке соответствующих программ, их взаимному согласованию, выработке стандартов. Эта работа способствовала сплочению коллектива, занятого единым серьезным делом. В 1996 году эти программы были изданы [Программы 1996]. Они явились для кафедры важным этапом в модернизации преподавательской деятельности на отделении. Они заложили также основу современной концепции подготовки специалистов в области теоретической и прикладной лингвистики. Учебный план ОТИПЛа лег впоследствии в основу государственного стандарта по данной специальности, утвержденного Министерством образования РФ в марте 2000г. В настоящее время проводится работа по подготовке новых усовершенствованных программ в соответствии с учебным планом, обновленным в 2000 году.

В конце 90-х годов на кафедре постепенно разворачивается работа по подготовке учебников для основных лингвистических курсов. В 1998 году первый такой учебник выходит из печати [Алпатов 1998]. Кроме того, ряд членов кафедры принял активное участие в конкурсе лингвистических учебников, проводившемся Институтом “Открытое общество”, и получил гранты на написание учебников. В 2000 году эти учебники стали появляться²⁶. Не будет преувеличением сказать, что подготовка современных лингвистических учебников (по некоторым дисциплинам — вообще первых) силами членов кафедры — это качественно новый этап в ее истории и в истории данной специальности. Эти учебники заполняют пустовавшую долгое время нишу в системе вузовского лингвистического образования и будут важным компонентом в обучении не только по специальности “теоретическая и прикладная лингвистика”, значительно расширившей свою географию в конце 90-х годов, но и для других филологических специальностей. После публикации программ основных курсов это новый существенный прорыв в учебной деятельности кафедры.

Не прекращается традиция летних лингвистических экспедиций, усиленная молодым пополнением кафедры, взявшим на себя значительную часть организационной и научной работы. Существенно, что результаты этой коллективной работы воплощаются и в коллективные научные труды²⁷, в которых принимает авторское участие значительное количество человек, от профессоров до студентов. В 2000 году было проведено две экспедиции в Поволжье — по изучению татарского и марийского языков, а в целом с 1967 года под руководством А.Е.Кибрика было осуществлено 38 экспедиций.

После кончины В.А.Звегинцева выпускники ОСИПЛа приняли решение проводить свои традиционные научные чтения в день рождения В.А.Звегинцева — 31 октября (раньше они проводились весной) и присвоить им название *Звегинцевских чтений*²⁸. Первые такие чтения состоялись в 1988, вторые в 1990, третьи — в 1993, четвертые — в 1996 и пятые — в 2000 году. Последние чтения были приурочены к 90-

---

²⁶ [Плунгян 2000], [Кобозева 2000], [Кодзасов, Кривнова 2001], [Баранов 2001]. Кроме того, несколько учебников подготовлено выпускниками ОСИПЛа, ныне работающими в РГГУ: [Старостин, Бурлак 2001], [Тестелец 2001], [Кронгауз в печати], [Базжина, Лепская в печати].

²⁷ Под редакцией А.Е.Кибрика выходят грамматические описания годоберинского [Kibrik (ed) 1996], цахурского [Кибрик (ред) 1999] и багвалинского языков [Кибрик (ред) 2001]. Кроме того, опубликованы материалы трех экспедиций на Камчатку, проводившихся в 70-е годы [Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000]

²⁸ Эта новая традиция, приуроченная ко дню рождения основателя отделения, своими корнями уходит в более ранние времена: с 1967 по 1982 год на кафедре ежегодно в этот день выходил самиздатский журнал “Алоэ”, адресованный исключительно юбиляру (home use only); в нем озорные сотрудники кафедры бесцензурно отводили душу на радость и утешение заву.

летию В.А.Звегинцева и 40-летию отделения. Они продемонстрировали, что ОТИПЛ сохранил лучшие свои традиции и в значительной степени их развило.

За истекшие десятилетия кардинально изменились отношения ОТИПЛа и факультета. ОТИПЛ стал такой же неотъемлемой частью факультета, как и прочие отделения, несмотря на несомненную специфику своего учебного плана. Этому способствовал ряд обстоятельств. Принципиальная нацеленность ОСИПЛа на новые информационные технологии, в разработке которых отделение активно участвовало в 60-80-е годы, было долгое время совершенно непонятным и отпугивающим для большинства традиционных лингвистов, однако проникающая во многие сферы жизни всеобщая компьютеризация 90-х годов показала практическую полезность осипловцев, сделала прикладной аспект их деятельности осязаемым и понятным. С другой стороны, некогда революционное “структуралистское” начало в его научной платформе, противопоставлявшее его прочим, “традиционным” языковедческим кафедрам, за эти десятилетия стало, в своей позитивной части, общепринятой научной нормой всякой хорошей лингвистики, а в своем экстремистском варианте (ограничивающем лингвистику исключительно структурными постулатами) — было критически переосмыслено и преобразовано в новые методологические установки. Следует также иметь в виду, что за это время как на ОТИПЛе, так и на других отделениях и кафедрах факультета сменилось кадровое ядро сотрудников, свободное от груза тех противоречий, обид и конфликтов, которые разделяли ОТИПЛ и факультет. Эти объективные процессы, способствовавшие нормализации существования ОТИПЛа, были поддержаны той общей деловой атмосферой, которая сложилась на факультете благодаря его администрации и в первую очередь его декану М. Л. Р е м н е в о й . Отделение, с одной стороны, получило достаточную самостоятельность в выработке стратегии своей повседневной деятельности, с другой стороны, последовательную поддержку во всех своих принципиальных начинаниях, как моральную, так и финансовую.

* * *

Несмотря на трудную, временами трагическую историю ОТИПЛа, ему есть чем гордиться. За 40 лет его существования отделение окончило около 800 человек. Широка география, богата палитра их деятельности. Не говоря о Москве и многих городах бывшего Союза, отипловцы успешно конкурируют на уровне мировых стандартов в США, Бразилии, Австралии, Швеции, Финляндии, Франции, ФРГ, Голландии, Австрии, Израиле... Более трех дюжин из них ныне доктора наук, более сотни — кандидаты. В академической науке они составляют значительную часть лингвистических кадров среднего и молодого поколения. И успешно работают в самых разных областях: общее языкознание, история языкознания, сравнительно-историческое языкознание, типология, психолингвистика, социолингвистика, русистика, славистика, русский как иностранный, романское и германское языкознание, тюркология, японистика, африканистика, америндистика, китаистика, финно-угроведение... В прикладных областях — машинный перевод, информатика, библиотековедение, автоматизированные системы управления, автоматическое реферирование, автоматический анализ и синтез речи, автоматическая лексикография, базы знаний, представление знаний, искусственный интеллект, программирование лингвистических процессоров... Трудно найти такое лингвистическое направление, в котором не нашлось бы специалиста-осипловца (вспоминается дагестанская поговорка: разрежь любой арбуз, и оттуда выскочит лакец; случайно ли экспедиции начались с лакского языка?).

Многие выпускники нашли себя не в науке, а в практических областях: они успешно преподают русский язык, иностранные языки, математику, программируют, даже

снимают фильмы...

Сейчас ОТИПЛ приобрел второе дыхание, и можно говорить о его полномочном возрождении. Залогом его будущих успехов являются, кроме многих прочих условий, историческая память и бережное сохранение добрых традиций, рождавшихся в романтических поисках, и, в особенности, сохранение романтической традиции постоянных поисков нового.

Переименование кафедры и отделения приказом ректора №336 от 23 апреля 1992 года.